

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.29>

Цигвинцева Галина Леонтьевна

**ЦЕННОСТНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР
ОБНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА**

В статье рассматриваются проявления ценностной и социально-психологической турбулентности как фактора обновления ментальных структур российского общества. Обосновывается мысль о том, что масштабные интеграционные процессы и внутренняя перестройка всего жизненного пространства повлияли на метафизические основы русского духа, подчеркнули их бинарность и амбивалентность. Дисперсия смысло-ценностных и социально-психологических установок породила постмодерновые формы поведения и взаимодействия, которые явились ответом на взаимовлияние архаических и транснациональных идентичностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/29.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 136-139. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1:316.6

Дата поступления рукописи: 02.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.29>

В статье рассматриваются проявления ценностной и социально-психологической турбулентности как фактора обновления ментальных структур российского общества. Обосновывается мысль о том, что масштабные интеграционные процессы и внутренняя перестройка всего жизненного пространства повлияли на метафизические основы русского духа, подчеркнули их бинарность и амбивалентность. Дисперсия смысло-ценностных и социально-психологических установок породила постмодерновые формы поведения и взаимодействия, которые явились ответом на взаимовлияние архаических и транснациональных идентичностей.

Ключевые слова и фразы: менталитет; идентичность; глобализация; универсализм; традиционализм; ценности; самосознание.

Цигвинцева Галина Леонтьевна, к. филос. н., доцент

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет (филиал) в г. Чайковском
cigvinceva@yandex.ru*

ЦЕННОСТНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Механизмы формирования ментальных структур и систем их реализации остаются предметом философской рефлексии, что предоставляет нам возможность **актуализировать** проблему духовной и социально-психологической турбулентности российского менталитета. Данная статья является попыткой осмысления динамики ценностных и социально-психологических особенностей этого сложного синтетического образования духовно-исторического порядка в современных условиях, чем и объясняется ее **новизна**. Осуществление анализа разноуровневых и разнохарактерных проявлений российского менталитета в изменяющемся мире является **целью** данной работы. Сегодня корреляция между всеобщностью, универсализмом и самобытностью, уникальностью оставляет открытым вопрос о росте или ослаблении национальной идентичности. Современный этап развития мировой цивилизации демонстрирует нам сложное переплетение традиционных и глобализационных процессов. Возрастание роли унифицированных форм в жизнедеятельности обществ, с одной стороны, и развитие специфических, самобытных явлений в их жизни, с другой – показывают не только важность их сосуществования в современном мире, но вместе с тем выступают одной из важнейших характеристик социокультурной ситуации в современном мире.

Как показало время, содержательное единство социокультурного пространства того или иного сообщества есть результат противоречивого «союза» «экспансионистских» и почвеннических культурных форм. Их сложная взаимосвязь влияет на ментальные характеристики личности, социума, цивилизации в целом. Движение от конкретного к абстрактному, равно и как движение от абстрактного к конкретному, являясь двумя сторонами одной медали, есть реакция социокультурных субъектов на деструкцию, кумуляцию и конструкцию социокультурной среды, вызванные как внутренними противоречиями этой среды, так и влиянием извне. Ментальные структуры сообществ не стали исключением как для масштабных интеграционных процессов, являющихся основой глобализации, так и традиционных тенденций, эксплуатирующих зачастую идею национальной исключительности.

Попытки осмысления внутреннего строя души русского народа, предпринимавшиеся русскими философами XIX-XX вв., не остаются без внимания по сей день. Это происходит, как представляется, из-за их ни с чем не сравнимой способности «диагностировать» истоки и проявления неких отвлеченных начал в русском национальном характере: желание быть востребованным вплоть до самоотречения; донести миру вселенскую идею добротолубия и нравственной чистоты; созерцать действительность сквозь призму эсхатологического оптимизма и, одновременно, деятельного гуманизма, стремящегося к обустройству эмпирического пространства на принципах отказа от половинчатых мер в достижении поставленных целей. Это стремление «одинаково ясно и на высотах религиозности, и в низинах нигилизма, именно у нас на Руси не равнодушного, а воинствующего, не скептического, а религиозного и даже фанатического» [2, с. 215]. Однако максималистский подход в стремлении переустройства окружающей действительности нивелирует разницу между мечтой и реальностью и порождает ложные надежды на построение «жизнеспособных» социально-экономических моделей. Такая модель, «вычеркнув» нас на семьдесят три года из руслу мировой цивилизации, отбросила на задворки, «скорректировала» идеалы и базовые ценности. «Перезагрузка» системы проходит болезненно, т.к. ценностные и социально-психологические ориентиры народа подвержены влиянию как этноцентристских, так и глобализационных процессов. Традиционалистские ценности русского духовного строя, являя собой противоборство разных смысловых антиподов, переплавленных в горниле советского периода российской истории, с одной стороны, дезориентировали русского человека секуляризованными моделями этих ценностей, а с другой стороны, явив живые примеры непоколебимой веры, жертвенного героизма и солидарности во имя несбыточной, но такой привлекательной идеи всеобщего благоденствия, придали осмысленность его существованию. Духовная составляющая российского менталитета, определяющая его ценностный срез

и помогающая упорядочить действительность, сделать ее более осмысленной, обрела сегодня черты турбулентности. Молодое поколение россиян в особенности вовлечено в орбиту этой смысло-ценностной неопределенности и рисков: «...человечество живет сегодня в рискогенной среде, где угроза взаимного уничтожения сохраняется, в мире, где алчность смешана со страхом; человечество живет в среде растущего дефицита невозобновимых ресурсов, продуктов питания, малых и больших войн, целенаправленного насилия...» [9, с. 155-156]. Духовная дезориентация молодежи, выразившаяся в дисперсии смысло-ценностных основ, свидетельствует о кризисе терминальных ценностей (М. Рокич). В особенности это касается таких ценностей, как счастье, свобода, творчество. Процесс догоняющей модернизации «напоролся» у нас, в России, на феноменальное восприятие традиционных, хотя и прошедших советскую «переплавку», ценностей. С одной стороны, дологическое мышление (Л. Леви-Брюль), управляемое мистическими переживаниями сопричастности, законсервировало восприятие иерархических, государственных структур как истин в последней инстанции, способных продуцировать «вечные» ценности. С другой стороны, в условиях информационного общества возможность и необходимость усваивать информацию потребовали от людей вдумчивого и критического отношения к ее разноуровневым сегментам, продуцирующим разнохарактерный спектр ценностей, смысло-жизненных ориентиров и моделей поведения. «Теперь только время покажет: не загнали ли мы в глубину национального подсознания, готовую при нужде воспламениться, идею революционного насилия... Насилия со стороны власти и со стороны подданных» [6, с. 10-11].

Желание выделить себя из цивилизационного потока, сохраняя возможность транслировать миру вселенскую идею гуманизма, под воздействием новых глобальных общественных и информационных процессов претерпело трансформацию, которая, казалось бы, деактуализировала мечту россиян о «национальной идее» в её традиционном контексте. Однако международные геополитические реалии реанимировали в стране поиск национальной идентичности, новых смыслов и целей индивидуального существования. Этот процесс был «запущен» знаковыми событиями 2014 года... Геополитическое самостояние России, несмотря на инверсионный характер восприятия людьми произошедших событий, не повлекло дестабилизирующего воздействия на устоявшиеся социальные отношения. Вместе с тем сегодня оценочные суждения россиян о фактах и событиях отечественной истории в прошлом и настоящем испытывают влияние двух противоположных моделей осмысления. Универсалистская модель осмысления межгосударственных отношений и конфликтов, продуцируемая современными глобальными процессами, в силу бинарности и амбивалентности российского менталитета, нивелирует память о негативных фактах и событиях отечественной истории, порождая ее космополитическую интерпретацию, пренебрегающую национальными интересами. Партикулярная модель осмысления межгосударственных отношений и конфликтов, опираясь, напротив, на идею культурного этноцентризма, «оплодотворенного» в случае с Россией идеями мессианского и миссионерского служения всему человечеству, работает на поддержание и сохранение национальной идентичности и национального самосознания.

Антиномичность восприятия конечных целей индивидуального существования во многом связана с тем, что «социальные изменения проходят в форме культурной травмы, имеет место плюрализация социального времени, виртуализация реальности и реализация виртуальности, макдональдизация всех сфер жизни общества, включая образование, здравоохранение, семейные отношения и т.д.» [4, с. 362].

Поиск смысла жизни в условиях вызова, международных угроз и рисков, подвижности нравственных ориентиров, дезинтеграции социокультурных и институциональных форм усложняет понимание молодыми людьми высказывания В. Франкла: «Я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и становлюсь в соответствии с тем, как я поступаю» [8, с. 114].

Рефлексивные акты и осознанное поведение, определяемые социально-психологическими установками массового сознания, рельефно показаны в работах зарубежных и отечественных исследователей. Специфику мировосприятия народа, с точки зрения К. Юнга и Э. Фромма, определяют глубинные метафорическо-символические и образно-эстетические слои сознания. Социально-экономические и политико-идеологические мотивы активности людей, по мнению Фромма, должны резонировать с социопсихологической аурой, в которой они действуют. Недооценка воздействия ментальных структур, растворившихся в сознательном и интуитивном, общественном и индивидуальном, теоретическом и практическом, на эволюцию социокультурных пространств сообществ, как показала история, опрометчива, т.к. связана не только с изменением механизмов развития социума, но и с самим его качеством.

Постсоветский период России актуализировал проблему социально-психологических качеств русского этноса. В условиях реформирования всего жизненного пространства и псевдоидеологизации социопсихологическая аура народа, пережив ревизию инструментальных ценностей, как представляется, сохранила антиномичность и амбивалентность. Фатализм и волюнтаризм, как и прежде, находят своё проявление в деятельности политических и социально-экономических институтов и сообществ. Подчинение фатальной необходимости («дух времени») уживается со спекулятивными попытками прибегнуть к непопулярным и малопродуктивным средствам, абсолютизирующим «произвольные» решения. Так, реализация «сценариев» по оптимизации систем российского образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, явившаяся ответом на вызовы времени, продиктованная экономической целесообразностью и масштабными интеграционными процессами, обнаруживает противоречивое и двойственное отношение россиян. Коллективизм и индивидуализм, открытость и замкнутость, доброта и жестокость, щедрость и расточительность и т.п. в связи с развитием глобальных информационных связей и внутренней трансформацией всего жизненного пространства, не переставая быть антиподами, переживают внутреннюю реструктуризацию.

Нормативно-ценностное и социально-психологическое восприятие людьми институтов местного самоуправления также весьма разнопланово. С одной стороны, люди, делегируя местному самоуправлению властные полномочия, воспринимают его как эффективную форму народовластия, способную к подвижным и гибким схемам самоорганизации, при условии профессиональной компетентности и некоррупционности управленческих структур. С другой стороны, подсознательная опора не на самоуправленческое, а на социально-организующее (государственное) начало, обладающее, в силу законодательно закрепленных нормативов, контрольными функциями по отношению к органам местного самоуправления, вселяет, подчас необоснованно, надежду на всеильное вмешательство в решение вопросов местного значения центральной власти.

Суммарное воздействие естественно-географических, социально-экономических, этнических и культурных детерминант, сформировавших специфическую модель деятельностного самоопределения и самореализации старшего поколения россиян, не позволяет большинству из них «перезагрузиться» и безболезненно «вписаться» в глобальное экономическое, политическое и информационно-культурное пространство. Давать однозначную оценку этому явлению весьма затруднительно, поскольку мы не можем, безусловно, списывать со счетов интеллектуальные, политические и культурные риски и вызовы национальной идентичности, воспринимаемые более молодым поколением россиян как необходимость и плату за коммуникационный комфорт. Вместе с тем «доля находящихся в процессе переосмысления ценностных ориентиров одинаково велика во всех возрастных когортах... Тот факт, что и через 25 лет проблема адаптации к новым условиям остается актуальной для россиян всех возрастов, свидетельствует о радикальности произошедших в российском обществе перемен, в том числе и на ментальном уровне» [3, с. 52].

Многоуровневое и многоаспектное информационное пространство, в орбите которого социализируется современное поколение россиян, вносит, безусловно, коррективы в социально-психологические установки массового сознания, формируя предпочтительный, с личной и общественной точек зрения, образ мыслей и действий. Унификация и глобализация сознания, во многом продуцирующая у молодого поколения россиян клиповый, калейдоскопический тип восприятия информации, для которого транснациональные и архаические идентичности вполне себе уживаются, демонстрирует причудливые формы разноуровневых и разнохарактерных взаимодействий. Общественное внимание и признание становится приоритетным не только для представителей элитарных кругов российского социума, но и рядовых граждан, самовыражающихся в социальных сетях. Участие в социальных проектах, интервью, в социологических опросах, фокус-группах, акциях, флешмобах, волонтерская деятельность, благотворительность, публикация заметок (постов) в печатных и электронных изданиях – всё это свидетельствует о формировании постмодерновых форм взаимодействия, в рамках которых представители разных слоев российского социума демонстрируют весь спектр антиномичности русского менталитета. Так, «в сфере поведения в общественных местах традиционная ориентация на “должное” и “общепринятое” на равных соперничает с либертарианским принципом “разрешено все, что не запрещено законом”» [Там же, с. 51]. Информационные технологии и структуры нелиберальной глобальной экономики, давшие толчок формированию массовой мультикультурной среды существования, замахнувшись на русский культурный код, подтолкнули его к форматированию как терминальных, так и инструментальных ценностей. Однако этот процесс не является однонаправленным. С одной стороны, в сознании россиян претерпевают трансформацию такие маркеры трудовой деятельности, как содержание, условия труда и результаты. Статус фрилансера транслирует обществу его отход от традиционных трудовых ценностей (стабильная зарплата и занятость) в пользу постмодернистских (самореализация): «Свободный агент исповедует ценности трудовой автономии и независимости, вырабатывает собственные критерии успешности, ищет индивидуальный баланс между работой и другими сторонами жизни» [7, с. 83]. С другой стороны, рационализация повседневности достаточно ограничена (по сегментам, слоям, группам). Молодые люди «более толерантны, но и более поверхностно относятся к важным для нас понятиям, таким, например, как свобода. Более того: они устают от свободы; у молодых людей постепенно нарастают потребность в четкости и желание, чтобы кто-то помог им решить, как надо жить, поскольку и общество, и родители перестали давать им четкие ориентиры... Это тоже модернизация, но мы пока совсем не понимаем, куда она нас может привести» [1].

Потребность в созвучных времени мировоззренческих смыслообразующих скрепах и поведенческих установках трансформирует социокультурное пространство. Духовность россиян, в том числе и религиозная, обретает разноликие черты, проявляющиеся в форме симбиотических моделей, основанных как на рационально-прагматическом, так и эмоционально-чувственном способах восприятия и реагирования. «Фаустовский» человек, востребованный рыночной системой отношений, бросил вызов ориентированному на поиск Вселенской справедливости и правдоискательство «иоанновскому» человеку, который, как показало время, оказался неприспособленным и уязвимым в решении тактических сиюминутных задач по обустройству эмпирического пространства.

Институциональная религиозность, предполагающая традиционные формы взаимодействия служителей культа с верующими, переживает упадок: «... россияне, причисляя себя к последователям традиционных религий, чаще всего обозначают свою принадлежность к данной культуре, проявляющейся в привычных для них нормах поведения, морали, бытовых традициях... При этом они не обнаруживают регулярного участия в... религиозной жизни, связанной с исполнением обрядов, постов, участием богослужении, знании и чтении молитв» [5, с. 315]. Опора на рационально-прагматическую мотивацию в вопросах веры склоняет многих россиян к индивидуализированной модели религиозности, по сути игнорирующей традиционный способ воцерковленности. Однако, как представляется, говорить о десакрализации массового сознания было

бы преждевременно. Возможно, это связано с тем, что для людей, «ангажированных» религией, последняя, в большей степени, является средством обретения душевного и эмоционального комфорта, своеобразным «психотренингом», чем способом проникновения в тайны мироустройства.

Таким образом, изменение механизмов развития ментальных структур и систем их реализации, которые на сегодняшний день не до конца изучены, связано с эволюцией социокультурных пространств сообществ, вовлеченных в разноуровневые и разнохарактерные связи изменяющегося мира. Ценностные и социально-психологические ориентиры общества, претерпевая существенные трансформации, демонстрируют противоречивое единство новых унифицированных и старых самобытных форм в жизнедеятельности обществ. Результаты симбиотического взаимодействия этих форм видны уже сегодня и проявляют себя в сознательном и интуитивном, общественном и индивидуальном.

Список источников

1. **Волькенштейн М.** Разнообразие и приспособленчество. Как и в чем модернизируется российское общество [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inliberty.ru/article/modern-volkenstein/> (дата обращения: 25.01.2019).
2. **Карсавин Л. П.** Восток, Запад и русская идея // Карсавин Л. П. Сочинения / сост., вступ. ст. и прим. С. С. Хоружего. М.: Раритет, 1993. С. 157-216.
3. **Кузнецов И. М.** Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 47-55.
4. **Назарова Е. А.** Турбулентность норм современного общества: концепция «нормальной аномии» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2018. Т. 18. № 2. С. 361-367.
5. **Пронина Т. С.** Религиозность современных россиян: смена форм или содержания? // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 9 (113). С. 312-319.
6. **Разумов А. Е.** Национальная идея и национальные интересы в России. Связь и разрыв поколений // Философские науки. 2015. № 4. С. 7-20.
7. **Стребков Д. О., Шевчук А. В.** Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81-93.
8. **Франкл В.** Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
9. **Яницкий О. Н.** «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.

VALUE AND SOCIAL-PSYCHOLOGICAL TURBULENCE AS A FACTOR OF THE RUSSIAN MENTALITY UPDATE

Tsigvintseva Galina Leont'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University (Branch) in Chaykovsky
cigvinceva@yandex.ru

The article deals with the manifestations of value and social-psychological turbulence as a factor of the update of the Russian society's mental structures. The idea that large-scale integration processes and internal restructuring of the entire living space have influenced the metaphysical foundations of the Russian spirit and emphasised their binarity and ambivalence is substantiated. Dispersion of meaning-value and social-psychological attitudes has generated postmodernistic forms of behaviour and interaction, which are a response to the mutual influence of archaic and transnational identities.

Key words and phrases: mentality; identity; globalisation; universalism; traditionalism; values; self-awareness.